

Душа и ее свойства по представлению телеутов.

А. В. Анохина.

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Гуманитарных Наук
14 сентября 1928 года.)

Большинство телеутов — шаманисты; естественно, что все явления природы, а в частности — психические переживания их, преломляются чрез призму шаманской идеологии. В такой же окраске они передают свое представление о душе.

Настоящая исследовательская статья была написана в 1912 г. В 1928 г. она была значительно пополнена и путем опросов проверена.

В систематизации настоящего материала ближайшее участие принимали телеуты: Г. М. Токмашов, Р. Хлопатин, кам Канакай (ныне умерший) и С. Максимов.

По представлению телеутов душа человека имеет семь свойств: *кут*, *јула*, *тын*, *үзүт*, *сүнә*, *сүр* и *jäl-salkын*.

Перечисленные свойства проявляются в различные периоды жизни человека, а именно: до рождения человека, вернее — до зачатия в утробе матери, при земном существовании и в период посмертного существования.

Кут и јула.

Кут понимается двояко: как зародыш (embryo), от которого начинается бытие человека, и как сила, поддерживающая бытие человека. *Кут*, как зародыш, приходит извне и воплощается в человека. По мнению телеута-шаманиста, он дается человеку от небожителя *Ўлән'я* — творца человеческого *кут'а* — *Анәм-Јајучы*, по-русски «мать-творец» — живущего на 4-м слое небесной сферы.

Кут, ниспосланный *Анәм Јајучы*, воплощается в утробе матери и принимает вид красного червяка (*кызыл курт*). Этот зародыш в дальнейшем переходит по естественному развитию в обычный плод человека.

Чадородие у телеутов объясняется присутствием *кут'а*, безчадие, наоборот — отсутствием *кут'а*. Мать и отец, не рождающие детей, считаются

лишенными, по воле *Анәм-Јајучы*, *кут*'а (*куды јок кижі*). Таковые родители обращаются с просьбою о даровании *кут* на детей к другим родовым *Ўлән*'ям или же к земным духам: *Ада-кижі* и *Јо-кан*'у. В этих случаях приносятся кровавые жертвы ради умножения в доме голов (*ји толо баш учун*).

Если после такого жертвоприношения вскоре рождается дитя, то рождение его истолковывается милостью духа, а сам ребенок считается творением духа: *ада кижідән јајалбан*, *јо адазынан јајалбан*, *өрөи бајанадан јајалбан* — от Адама сотворенный, от отца сомов сотворенный, от верховного духа сотворенный.

Дух, даровавший *кут* на детей, по убеждению телеутов, кладет на их тело метку — *мән* (родимое пятно), или дает им курчавые волосы — *јил-бәр чач*.

Ўлән'ю или земному духу, от которого получен *кут*, через пять лет родители приносят вновь кровавую жертву и просят долголетие ребенку. Детей, дарованных духами, в Чолухое имел телеут Шаади, ныне умерший. Так говорят туземцы.

Кут (*embryo*), давший начало бытию человека, остается жить с ним и расти. В этом случае он приобретает смысл особой силы, поддерживающей бытие человека. В сознании телеута он очень ценится. На этом основании этот *кут* сравнивается с драгоценным металлом — с золотом с конскую голову и с серебром с овечью голову:

*Ат бажынча алтын кут,
Коі бажынча кјмјш кут.*

В обычных разговорах этот вид *кут*'а еще больше реализуется. Он понимается как двойник, который может отделяться от человека, жить вне его и снова сообщаться человеку.

Кут, отделившийся от человека, переживает превращение — метаморфозу. Его превращение или видоизменение начинается с момента выхода из человека и продолжается до момента, когда кам (шаман) поймает и возьмет в свои руки для того, чтобы снова возратить в человека.

Кут метаморфозный называется *јула*. По существу *јула* — тот же *кут*, но вышедший из человека, блуждающий и не попавший обратно в человека.

*Куды чыкты,
Јула јастыкан-јат —*

Кут вышел, *јула* идет мимо, не может попасть, ошибается.

Но если в понимании телеута *кут* и *јула* тождественны, все же рассказы о проявлениях *кут* по выходе его из человека приписываются большей частью *јула*.

Рассказы эти следующие. Отделение *кут*'а от человека бывает двоякое: непроизвольное и произвольное. Непроизвольное отделение происходит при испуге, в момент бессознательного состояния человека. О таком случае обычно говорят: *кiжi коркуп, куды чыкты* — человек испугался, его *кут* выскочил.

Как только из человека вышел *кут*, единство человека нарушается, оно как бы раскалывается на две половины, которые начинают жить каждая порознь — человек сам по себе, а *кут*, переходящий потом в *жула*, сам по себе. Вследствие этого человек начинает хворать, и если при помощи кама не возвратит в себя *кут*, то умирает.

Отсутствие *жула* или метаморфозного *кут*'а в человеке замечается непосредственно после испуга, а иногда чрез продолжительное время.

Отсутствие *жула* замечает или сам человек, или посторонние, или, наконец, шаман. Сам человек отсутствие *жула* определяет по болезни и сновидениям: *ох, жулам жок*, говорит больной, *камба барыт жулам урдурадым* — *жула* нет, пойду к каму, чтобы возвратил мне *жула*.

Шаман отсутствие *жула* в человеке определяет через гадания на *толу*. *Толу* — мужские и женские рубахи, а также и халаты, которые подвешиваются к стене при камлании духу в качестве приношения или выкупа. Пред моментом приношения, кам тщательно осматривает их чистоту. При осматривании иногда замечает по ленточке, подвешиваемой здесь же, отсутствие в человеке *жула*.

К сказанному необходимо добавить следующее. Одной из важных интимных функций кама при всяком камлании является тщательный контроль на всех проходимых им этапах (*нүдак*). При контроле у доброго или злого духа он ищет *жула*. Если найдет, то схватывает его и отправляет к месту жилища больного с сопутствующим духом *Баи-Сөт*'ом. При вручении *жула* кам говорит:

<i>Жәр сүңа, жәттөн тўңа,</i>	— К месту своего обитания (букв. к земле,
	воде), к семидесяти своим горам,
<i>Сәйis кыжын, төрт толубуңа,</i>	К семи стропилам, к четырем своим углам,
<i>Аланчыбыңа, ак жалбыжыңа...</i>	К своей юрте, к своему белому огню (возвратись!)
<i>Көзі жаманға көрүнбә,</i>	Худому глазу не показывайся,
<i>Күні жаманға кабылба,</i>	Зложелателю не попадайся,
<i>Азраған болзо адаңа,</i>	К питавшему тебя отцу,
<i>Әмістрәйән әнәңә</i>	К матери, кормившей тебя, назад возвра-
<i>Оито жан —</i>	тись!

По выходе из человека *жула*, по одним версиям, живет в пространстве, на свободе, и витает по углам избы, амбара у своего хозяина или у

соседей. В это время человек, которому он принадлежит, страдает болезненной спячкой: где сидит, там и спит. Перекочевывая с одного места на другое, *жула* в ночное время за окном иногда свистит. Услыхав свист, хозяин дома, при чтении молитвы — *алкынш*, растворяет настежь дверь, сам выходит на улицу, бьет в железный ковш, заманивает *жула* в избу. *Жула* идет на звуки. Когда хозяин зайдет обратно в дом, то неплотно притворяет дверь и держит ковш в отверстии. *Жула* на звуки проходит в щель двери. Хозяин зачерпывает его ковшом и, с произнесением магических слов: *оп курый*, ковш быстро окутывает тряпкой и завязывает веревочкой. *Жула* считается пойманным. В дальнейшем ковш ставится в укромное место на печку или на полати.

Утром кам узнает, кому принадлежит *жула*. Бывает так, что человек, в котором кам признал отсутствие *жула*, ранее совершенно этого не замечал.

Пойманного *жула* кам возвращает человеку вдуванием в правое ухо чрез кулак (*жулазын урды*). По другим версиям, *жула*, по выходе из человека, непосредственно попадает в руки или добрых духов — *сом'ов* и дочерей *Улән'я* или злых духов — *јаман көрмөстөр*.

По убеждению телеутов, те и другие духи невидимо окружают человека и бдительно наблюдают за ним. Как только отделился от человека *жула*, духи схватывают его. Добрые духи *жула* хранят у себя для того, чтобы потом возвратить человеку, а злые — чтобы взять за него выкуп-жертву. Они — алчные.

Из всех доброжелательных духов (*бајана*) дочери *Улән'я* обнаруживают особенную готовность приходить на помощь к человеку во время испуга. При тревожном стуке на земле, с быстротой молнии они спускаются с 14-й небесной сферы к человеку и, рассыпаясь как горох, окружают его (*кыбылуза кычылулар* — при тревожном стуке сжимающиеся).

Человек, лишившись *жула*, не знает, к какому духу попал его *жула*. Об этом узнает один кам чрез посредствующего духа, духа дверей — *әжик-нii*.

Если *жула* окажется в руках доброго духа — *бајана*, то шаман (кам) с помощью своих духов-помощников (*калын чярү* — большое войско) беспрепятственно берет *жула* и возвращает чрез вдувание в правое ухо больному.

Если *жула* попал в руки злого духа, то в лучшем случае для возвращения его, как сказано раньше, дается выкуп-жертва. На этом развязка и кончается. Но *жула* человека, попавши в руки злых духов, может подвергаться и худшим положениям: злые духи могут пожирать *жула* (*жуланы жудун иди*). Когда постигает такая участь *жула*, то он считается умершим и ушедшим на другой свет (*ол јәрә барар*). Человек в таких случаях

долго и тяжело болеет, а потом умирает. Так как возврата для *жула* уже нет, то теряет чрез это и человек жизненную силу для своего существования. Рассказывают телеуты и о других положениях *жула*.

Жула может жить в руках злых духов несколько лет. За свое пребывание он оскверняется — *kiply bolun jat*. Возвращая такого *жула* человеку, шаман предварительно посылает его для очищения в мифическое молочное озеро с такими словами:

*Аршын была аластан
Ак сүйт көл была јунун тур!*

Очистись курением можжевельника,
В бело-молочном озере омойся!

Иногда злые духи долго ловят блуждающего *жула*. Во время ловли в злобе неосторожно схватывают его и наносят повреждения. Эти повреждения передаются на тело человека, которому принадлежит блуждающий *жула*. Так объяснили камы искривление двух нижних ребер правого бока у телеута Клементия из улуса Чарги. Но после камлания с жертвоприношением черной овцы дверному духу: *bi-äjini*, у Клементия ребра исправились.

У телеутов религиозно-фанатичных наблюдается много случаев галлюцинаций. По их убеждению, можно видеть злых духов. Если человек увидит *көрмөс*'а (злого духа), то стрелять в него нельзя, потому что можно убить *жула*, которым *көрмөс* защищается от стрелка. Застреленный *көрмөс* лежит три дня мертвым, а потом оживает.

Когда вихрь вертится по солнцу, то вместе с ним невидимо вертятся *жула* и кам, если против солнца — злые духи. В последнем случае телеуты закрывают упи ладонями, чтобы не вышел *кут* и кричат: *шау, бау!*...

Есть также рассказы, что кам может отнимать *жула* от человека и отдавать такового в обмен злему духу на другого *жула*. Это всегда делается секретно. За украденным *жула* бывает погоня другого кама. Происходит между двумя камами, при помощи их духов, состязание, иногда на довольно большом расстоянии. Человек, лишившись в таких случаях *жула*, умирает от припадка. Этот печальный случай телеуты всегда ставят в связь с кражей *жула*.

До сих пор говорилось о непроизвольном отделении *жула*, но бывает еще, как сказано раньше, произвольное отделение *жула*.

Произвольно отделяется *жула* у двух лиц: у кама и его помощника — *пайтал-башчы* в то время, когда совершается мистерия. Кам (шаман) и его помощник башчы, по смыслу мистерии, путешествуют в различные области, но путешествуют не сами, а своими двойниками — *жула*. Удалившись мысленно на несколько этапов от дома, кам иногда возвращает с пути *жула* башчы домой, поручая его, опять, сопровождающему духу *Bai-Cöm*'у. При

окончании же камлания берет от него и чрез правое ухо вдувает в *най-тал-башчы*.

Јула человека может уносить с собой в загробную жизнь умерший. Если по смерти мужа вскоре умирает его жена, а за ней дети и друзья мужа, то это явление объясняется телеутами похищением их *кут*'а умершим. В таких случаях говорят:

*Јулазын алын партыр,
Пу олүн нāды —*

јула взял (умерший), от этого они умерли.

К непроизвольному отделению *кут*'а можно отнести и следующий еще рассказ.

Кут похищается камом у человека с целью причинить смерть последнему. Так делает кам в ссоре. Если человек, нанесший каму обиду, вскоре умирает, то думают, что его съел кам (*кам јигән*).

Кроме человека *кут* имеют животные (*малдың куды*) и растения.

Кут животных понимается как зародыш, от которого начинается бытие, и как жизненная сила, поддерживающая его дальнейшее существование.

Кут животных, как зародыш, посылается на землю от небожителя, второстепенного *Ўлән*'я — *Армән-Кән*'а, живущего на третьей небесной сфере (*јч кам*).

Кут животного, как уже жизненную силу, может уносить с собой на тот свет умерший глава семьи, — скотина тогда начинает издыхать (*малдың кудын алын парбан, мал ол-јат* — он *кут* скота взял, от этого скот издыхает).

Кут растений понимается как зародыш. Он дается от *ыжык*'ов — духов рек, озер, долин. Весной *ыжык*'ам приносят жертву; их просят охранять траву, хлеб от кобылки, мышей, червей и других вредителей. Если летом бывает хороший урожай травы, то телеуты говорят: *ыжык олөн чоптың кудын бәрді* — *ыжык* послал на траву *кут*.

Т ы н.

Тын есть духовное свойство, присущее человеку, скоту, зверям, птицам, гадам, траве и лесу. Всё перечисленное по-телеутски называется так: *јүјүрär ајақтау, учар канатту, ар тынар тынду* — ходящие — на ногах, летающие — на крыльях, всё (это) дышущее — с душой.

По отношению к человеку *тын* понимается различно. Во-первых — как душа, которая за злые дела по смерти человека подвергается мучению. На этом основании, когда человек делает другому зло, последний говорит:

тыныңды аябай жазың-ба, тыныңның кыналаттаның билбай жазың-ба? — про душу разве не думаешь, что душа твоя будет мучиться? Во-вторых, *тын* в связи с человеком понимается как способность дышать. Этой способности не имеют камни. В-третьих, *тын* есть жизнь, которая, по выражению телеутов, может порваться: *тының ұйілізін* — жизнь твоя пусть порвется! Так говорят в злобном настроении.

В момент смерти *тын* выходит из человека: *тыны шықты*, или *тыны жобын парды* — дыхание прекратилось, т. е. человек умер (букв. душа его убыла). В связи с этим вопросом стоит камский *тын-бура*, имеющий, впрочем, свои особенности.

Тын-бура — камская душа, как эмоциональная сила, которая делает кама способным совершать служение или иметь интимную связь с су-хами. При камлании *тын-бура* в кама входит, после камлания — удаляется.

Каждый телеутский кам особенно предупредительно относится к своему *тын-бура*. На этом основании, после совершения обряда, он усылает своего *тын-бура* в скрытое место.

Тын-бура после смерти одного кама передается другому, молодому или начинающему каму. Такой передачей выражается духовное камское преемство.

Кам с камом при помощи своих духов могут иметь состязание. Во время состязания более сильный кам похищает *тын-бура* своего противника, отрубает у последнего ноги и голову. *Тын-бура* умирает; чрез два-три дня умирает и сам кам, которому принадлежал он. В других случаях побежденный кам отделяется только болезнью и совершенно становится здоровым, если соединится с своим похищенным *тын-бура*. Об этих камских состязаниях среди шаманистов встречается много рассказов самого легендарного содержания.

По отношению к животным и птицам *тын* является как душа, впрочем не подвергающаяся наказанию; во-вторых — как физиологический процесс дыхания и, в-третьих — как жизнь. Здесь понимание *тын* аналогично человеческому.

В растительном царстве *тын* понимается как способность расти. Когда выпадает дождь и зазеленеет трава, посевы и лес, телеуты говорят: *өлөннің, аштың тыны кірді* — траве, хлебу рост пришел. В других случаях они думают, что растения дышат — *тынду* и имеют способность испытывать причиняемую им боль. Старые люди — без сомнения, мистики — не рубили лес и не рвали травы без надобности, чтобы не причинить растению боль. По их понятию, у растения нет *тын* — как души, со смертию исчезающей. Жизнь растения бессмертна и непрерывна, потому что корень остается в земле, и растение вечно может поддерживать свое бытие.

С ү р.

Сүр по-русски можно перевести: образ, облик предмета. Портрет, фотографическую карточку, рисунки на бубне телеуты называют *сүр*. Такой же образ есть у скота и у человека.

Но *сүр* скота и *сүр* человека понимаются различно.

Сүр скота отделяется в момент смерти и переселяется в загробную жизнь. На этом основании среди телеутов в некоторых местах сохранился обычай закалывать любимую лошадь умершего для того, чтобы дать возможность последнему на том свете ездить на ней. Обреченную лошадь для умершего готовят особым образом. В день смерти человека животное приводят к дому, где покрывают дорогими коврами, обвивают шальями, а в гриву и хвост вплетают шелковые ленты. При погребении лошадь впрягают в сани и телегу или увозят на ней тело умершего на кладбище.

После похорон лошадь, во всем убранстве и в седле, кормят семь дней. За эти семь дней ее водят по домам, пашням и покосам родственников и знакомых. В силу существующей традиции, всякий обязан принять лошадь, накормить овсом, а вожатого угостить чаем и вином.

Через семь дней лошадь колют. Мясо съедают, седло и ковры отдают бедным людям. Иногда лошадь не колют, а после обычного приготовления отдают опять бедняку для пользования. Такой подарок носит смысл милостыни: *ја́дѣм болзын* — чтобы была чрез это польза умершему. Нужно отметить, что вся эта церемония с лошадью происходит в первый поминальный день по умершем.

Скотский *сүр* большое значение имеет при камских жертвоприношениях: он, главным образом, а не мясо только животного, идет в жертву как искупительный дар тому или иному духу. Это — самая существенная догма в шаманстве при кровавых жертвоприношениях.

Но так как шаманист-телеут признает в животном два начала: материальное и духовное *сүр*, то духу необходимо принести то и другое, — животное в целом его виде. На этом основании при жертвоприношении животное не режут, а всегда душат (*буруп-јат*) — с той целью, чтобы *сүр* удержать в животном. Если же животное умертвить обычным способом, то *сүр* его чрез рот исчезнет, а само животное, благодаря порезам, подвергнется порче. Такая жертва, по мнению шаманистов, не достигает своей цели и является оскорбительной для духа.

Сүр человека, как и *сүр* животного, отделяется от своего объекта, но только при жизни, а не в момент его смерти.

Отделение *сүр* человека происходит исключительно по воле *Үлән'я* — *Аңам-Јајучы*. Таковую волю свою *Аңам-Јајучы* записывает в особую

книгу, которая на камском языке называется: *Ўлән бидиң сабыр бичик* — *Ўлән*'я начальника рукописание. Если *сүр*'у человека надлежит отделиться, то рукописание об этом человеке в книге чернеет: *кара кат пазыл партыр*. Видеть это может только кам.

Отделяя *сүр* от человека, *Анәм-Јајучы* этим самым кладет начало концу земного существования человека. *Сүр* начинает жить вне человека и является как бы смертною тенью его. *Сүр* может отделиться от человека за семь или десять лет до его кончины.

Отсутствие *сүр*'а человек долгое время в себе не замечает, — только продолжительная и упорная болезнь, ведущая к очевидной и неизбежной смерти, убеждает человека в том, что в нем отсутствует *сүр*.

При болезни, причиняемой отсутствием *сүр*'а, телеуты обычно не камлают, потому что *сүр*, вышедший из человека, снова не возвращается в него.

Сүр виден бывает в доме, в поле, на охоте. Взору человека он представляется в образе человека же. Поэтому человек, отрицающий свое присутствие в каком-нибудь месте, говорит другому: *сән сүрүмдi көрiөн болорзын* — возможно, что ты видел (не меня, а) моего *сүр*'а.

Сүр человеческий живет в пространстве; в почное время подходит к дому и стучит особым образом. Люди боятся *сүр*'а, хотя *сүр* не делает человеку вреда. Чтобы избавиться от вторичного посещения, хозяин дома утром приглашает кама, который отгоняет *сүр*'а.

После смерти человека, его *сүр* направляется к тому *бајана* (духу), от которого человек получил *кут* на свое земное существование. Следовательно, *сүр* идет к *Ўлән*'ям, *Адам*'у, *Јо-Кән*'у и другим.

Если человек умирает насильственной смертью — утонул в воде, то *сүр* его идет к *Сулай-Кән*'у, или *Талай-Кән*'у — духу моря. Если от огня, то *сүр* идет к духу огня — *Оімок-Ару* и т. д.

При своем переселении *сүр* не сразу попадает к своему обладателю-духу; его путь бывает продолжительный и томительный. При своем путешествии (камлании) кам на пути видит *сүр* людей. Среди них видит и знакомых, недавно умерших. *Сүр*'ы со стонами страдающих кричат каму:

Оі, оі, пәлім аі! оі, оі, бажым аі... — ох, ох, спине моей больно, голове моей больно... (возьми нас с собой, кам!).

Кам терпеливо выслушивает их и идет дальше.

Ў з ў т.

В религиозном мировоззрении это духовное начало занимает довольно большое место.

Ўзүт — посмертное существо, присущее одному только человеку. В нем олицетворяется то, что у русских принято выражать словом «покой-

ник» — дух умершего, который, по поверью, может являться родственникам после своего погребения.

Ўзўт'а телеуты представляют себе в виде ветра, или воздуха — *жәл салкын*, и в виде человека. Он видим бывает в лесу, на пашнях и в вихре. При виде вихря телеуты не преминут крикнуть: *шау, бау*. Этим криком они отгоняют от себя ўзўт'а.

После смерти человека ўзўт его живет до 40 дней на кладбище. Иногда приходит ночью в дом и о своем присутствии заявляет глухим таинственным стуком. Когда замечается такое явление, присутствующие в испуге стучат в заслонку, берут нож или плеть и с шумом: *кәдә чык, нә кәрәк кәлдә* (иди вон, зачем пришел) выгоняют ўзўт'а.

Телеуты очень оберегают себя от ўзўт'а.

Возвращаясь с могилы домой, телеуты никогда не оборачиваются назад. На пути к дому каждый трижды бросает наотмашь попавшиеся на глаза вещи: камень, палку или траву. Этим пренебрежительным действием запугивают ўзўт'а, чтобы он не шел за ними в дом. Все вещи, которые кладут с покойником в гроб (чашку, трубку, кисет), намеренно подвергают порче. Они думают, что этим путем вещи убиваются, умерщвляются. То же делают и с саями, на которых привозят покойника на кладбище. По убеждению телеутов, ўзўт'у, как существу посмертному, приятны вещи только испорченные, мертвые.

В первые семь дней после смерти родственники покойного не гасят в доме огонь, а старые не спят, проводят время в разговорах, а также слушают сказки, приглашая для этого специально сказочника (*каичы*). Всё это делается для того, чтобы отогнать ўзўт'а, который иногда с могилы приходит в дом.

Телеуты совершают по умершем поминки в седьмой и сороковой день и в день смерти чрез год. В седьмой и сороковой день родственники ходят на могилу только с хлебом разного приготовления — угощать ўзўт'а. Там разводят два костра: один большой на запад от могилы, для себя, а другой маленький в головах покойника, для ўзўт'а. Из принесенной пищи часть съедают сами, а небольшую часть кладут у огня ўзўт'у. Пищу ўзўт'а съедает собака, которую в этих случаях намеренно берут с собой. Сюда приносят еще вино. Посещение могилы, естественно, затягивается на несколько часов. По окончании обряда, старший из присутствующих пинает огонь ўзўт'а и говорит:

*Таш очоңуң одорым,
Талкан күлүңдә чачарым.*

Твое огнище я буду разрушать,
Покроплю твоей золой-толокном.

В сороковой день, кроме обычных поминок и посещения могилы, происходит очищение дома от скверны ўзўт'а — *үйдің ічін арулар*. Обряд очи-

щения совершает кам. Во время совершения обряда кам подходит в доме к каждому углу и, держа бубен над углом, искусно вычеканивает на бубне пальцами дробь, напоминающую собой стук гороха. Это, по толкованию телеутов, углы отдают собранные ими слезы, пролитые родными пред покойником. Кам, в заключение обряда, подхватив *үзүт*'а и слёзы, выбегает на улицу с криком *шау* вытряхивает на улицу и заключает всё такими словами:

<i>Кәскән аҗажыңа,</i>	В срубленное для тебя дерево (гроб),
<i>Кәмдәйән болзо җәріңә...</i>	В смиренную тебе землю(могилу—уходи!).
<i>Айлу җәрдән айрылғанзың,</i>	Ты, отделившийся от лунного места,
<i>Алдыс кәнҗа табылғанзың</i>	Ты, <i>Алдыс</i> -царю найденный,
<i>Күндү җәрдән айрылғанзың</i>	Ты, отделившийся от солнечного места,
<i>Күндүс кәнҗа табылғанзың!</i>	Ты <i>Күндүс</i> -царю найденный (уходи)!

При очищении дома от скверны изгоняется также и *Алдачы* — дух, пожравший *кут* или *жула* умершего человека. Этого страшного ангела смерти кам выгоняет такими словами:

<i>Алып парбан Алдачы</i>	Взявши ушел, жадный глотатель,
<i>Җип парбан җимәкчәзи, шау!</i>	Проглотивши съел, обжора, уходи!

Үзүт обладает способностью захватывать с собой *жула* кого-нибудь из родственников. На этом основании, в день поминок, кам тщательно контролирует возможные хищнические проделки *үзүт*'а. Похищенного *жула* кам берет обратно иногда скоро, а иногда только с помощью дверного духа — *әҗик-би*'я. Во втором случае, за упорство *үзүт*'а, кам разбивает его дом: *үзүт үйи одоро*.

К предупредительным средствам против *үзүт*'а нужно отнести еще следующий обряд.

После похорон в доме, где лежал покойник, телеуты жгут куделю, а потом кладут камень. По истечении семи дней камень уносят на могилу. Этим выражается такая мысль: пусть *үзүт* так же лежит, как камень, и не уходит с могилы, как не может уйти камень.

Живя на кладбище, *үзүт* томится своим одиночеством и делает попытки войти в общение с живыми людьми для того, чтобы братски побеседовать с ними. В таких случаях *үзүт*, пробравшись в дом, чрез рот входит в живот человека. Человек от непрошенного гостя начинает болеть животом. Больной лечится, приглашает к себе специалиста — мужчину или женщину, умеющих выгонять из живота *үзүт*'а. Специалист делает маленькую деревянную лопаточку и кладет на нее раскаленные угли с золой. На угли кладет муку, масло и табак. Получается куряшка с отвратитель-

ным дымом. С этой куряшкой над больным, лежащим в постели, совершается обряд, называемый *чымыр*. Он заключается в следующем. Приглашенное лицо, окуривая больного, читает молитву сначала тихо, в середине погромче, а в конце чтение доходит до неистового, злобного крика. Совершающий обряд при последних словах выбегает на крыльцо, небрежно бросает лопатку с заключительными словами: *шау* — или: *аі, татаі* — уходи, у, погань!

Молитва, произносимая над больным:

<i>Чымыр, чымыр...</i>	<i>Јіда мынан жемірәрім. Чымыр...</i>
<i>Канду үзүт, кара јәк-пә?</i>	<i>Көк тәмірә кыстайрым,</i>
<i>Чымыр, чымыр...</i>	<i>Јардың пәйнә јанзайрым. Чымыр...</i>
<i>Толук сайн толбондың-ба?</i>	<i>Капшығайға кәбылып оттур.</i>
<i>Арал сайн айландың-ба?</i>	<i>Ады бажың аідынып оттур. Чымыр...</i>
<i>Кујун болуп кујбурдуң-ба?</i>	<i>Кәскән-сәң ағажыңа</i>
<i>Салкын болуп сәбырылдың-ба? Чымыр...</i>	<i>Кәмдәләндә јаныңа</i>
<i>Јакшы әткәнің јазык полды, чымыр...</i>	<i>Алып парған Алдачың была</i>
<i>Ідә әткәнің іләк полды. Чымыр...</i>	<i>Јін барған јимәккң билә. Чымыр...</i>
<i>Ак тайканы ажып кәлдң-бә?</i>	<i>Ідәм болзо кабаған,</i>
<i>Адын суды кәчпн кәлдң-бә? Чымыр...</i>	<i>Ўм болзо сүсәән,</i>
<i>Ады јолын аідынып оттур,</i>	<i>Айбырым болзо тәбәән.</i>
<i>Тіжің болзо тіштәнбә,</i>	<i>Ады јолың аідынып оттур! Чымыр...</i>
<i>Тілім билә чәчәлпн оттур. Чымыр...</i>	<i>Шау!</i>
<i>Јажыл отко јанзайрым,</i>	
<i>Кызыл отко кыстайрым,</i>	
(Болезнь) от сердитого <i>үзүт</i> 'а или от <i>јәк</i> 'а?	(Свое)имя, дорогу начинай сказывать, Свои зубы не сжимай,
Увивался ли на каждом углу?	От моего языка (разговора) развя-
Плутал ли в каждой роще?	жись (т. е. признавайся, открывайся)!
Сделавшись вихрем, извивался ли?	Прижму (тебя) к зеленому огню,
Сделавшись ветром, крутился ли?	Притисну к красному огню.
Благожелания твои приносят вред,	Сокрушу тебя копьем,
Услуги твои стали посмешищем.	Сокрушу тебя мечом,
Не чрез белую ли гору пришел,	Притисну тебя между зеленых желез.
Не чрез быструю ли реку пришел?	

Прижму тебя к высокому яру,	С твоим пожирателем (уходи)!
Поспешай, торопись!	Собака моя кусается,
Сказывай имя и род твой!	Корова моя бодливая,
(Иди) к рубленному для тебя гробу,	Жеребец мой лягается.
К смиренной для тебя могиле.	Имя и путь твой говори! уходи!
(Иди) с <i>Алдачы</i> , который взял тебя	
с собой,	

В других случаях *үзүт* является существом алчным, прожорливым и большим любителем вина.

Когда большой компанией телеутки курят вино, то случается так, что некоторые казаны не дают достаточного количества вина. Это получается вследствие того, что брага, из которой курят вино, приготовлена плохо. Однако явление это телеутки объясняют иначе — они думают, что в казан вошел *үзүт*, который и выпивает вино. Чтобы устранить это, над котлом делают обычный *чымыр*, как и над больным.

В сознании телеутов *үзүт* — дух покойника постепенно забывается, как забывается и сам человек. С этим исчезает и его вредное влияние.

С ү н ä.

Сүнä — душа человека.

В момент смерти *сүнä* выходит из тела и остается пока в доме умершего до погребения. Благодаря присутствию *сүнä*, покойник продолжает слышать и понимать всё, что происходит вокруг него. На этом основании при оплакивании родственники в причитаниях стараются сказать что-нибудь приятное для умершего.

Причитания эти имеют форму обычной светской песни и называются *сыбыт* (плач). В дальнейшем они поются как нечто обязательное и другими родственниками, приехавшими навестить семью покойного. Если *сыбыды* не петь, то покойник на том свете будет глухим.

Дальнейшее свое внимание к умершему телеуты выражают поминками. В память покойного устраивают их несколько раз: в первый день (*күні*), в седьмой день (*конобы*), в сороковой (*кырыбы*) и в годовщину смерти (*калбан ажы*). В эти дни стол убирают разными яствами: пельменями, оладьями, мясом и лапшой. Мед при поминальном столе не употребляют. Мед есть продукт крылатых существ, пользы от них покойнику не будет.

При вкушении пищи иногда говорят: (имя рек) *балам жакшыда жарыкта жүрзін* — пусть в хорошем свете живет, или: *сүнәзинä жәдiм болзын* — пусть будет польза душе!

Теми же яствами угощают *сўнā* умершего. Пищу для *сўнā* ставят сначала в чашечках на окно, а потом выносят на двор и кладут там, где делали гроб. С этим обрядом телеуты соединяют ту мысль, что умерший будет есть пищу — *ōlōn kījīdī azrap jat*. При угощении *сўнā* обычно говорят:

Jūrū bolzoŋ nojyŋ ičtiŋ
Ōlōn bolzoŋ sūnāŋ ičsiŋ.

Когда был живым, ты сам ел,
Когда умер, твоя *сўнā* пусть ест.

Брошенную пищу на дворе должна съесть собака, которая на этот случай тут привязывается. Крылатым существам: курам, уткам, гусям и другим птицам не дают клевать, потому что они летают, *сўнā* за ними ходит, и пища ей не попадает. Собака же всегда живет дома, и *сўнā* свободно может принимать от нее пищу.

После погребения, *сўнā* покойника некоторое время живет дома, а потом идет по судам — *jarby sajyn*. *Сўнā* богатого человека совершает свое путешествие по судам на лошади, которую после его смерти закололи на могиле; *сўнā* бедного путешествует пешком.

Хождение *сўнā* по судам продолжается 40 лет. Его сопровождает посланник того духа, от которого человек умер. Посланником, сопутствующим *сўнā*, является дух — *алдачы*, пожравший в момент смерти *жула* покойника.

За свое сорокалетнее странствование *сўнā* осматривает места страшных мучений грешников — *кыжын jār*. Места мучений грешников находятся на камском пути к духу-родоначальнику Адам'у: *Ада бистин jūn jār, чын кыжалду кыжын jār* — отца нашего сборное место, достойному грешнику место мучения.

О местах мучений грешников говорится еще в надгробных песнях (*сыбыт сарын*):

Айлу ба jāрдā нā кыжал āдā,
Абоi тāмiрдā чын кыжал āдā

Что за грех на этой (лунной) земле,
Грех имсет значение на белом железе
(место мучений).

Кūндū-бā jāрдā нā кыжал āдā,
Кōiūм тāмiрдā чын кыжал āдā.

Что за грех на этой (солнечной) земле,
Грех имеет значение на синем железе.

Айлу ба jāрдā нā кыжал āдā,
Арбыс-на кāнда чын кыжал āдā.

Какое значение имеет грех на земле,
Грех имеет значение у Арбыс-царя.

Кūндū-ба jāрдā нā кыжал āдā,

Какое значение имеет грех на (солнечной) земле,

Кūндūс-на кāнда чын кыжал āдā.

Грех имеет значение у Кūндūс-царя.

По окончании странствования, *сўнā* переселяется в область Арбыс-царя, духа, который ведает душами умерших людей.

<i>Айлу жүрдәй жүрәндәй</i>	Обитая на земле,
<i>Јүс тоғузон јаш јажабам;</i>	Сто девяносто лет жила;
<i>Арбыс-кәнға сабылғанан ала,</i>	С той поры, как перешла к Арбыс-царю,
<i>База јүс тоғузон јыл әртті.</i>	Прошло еще сто девяносто лет.

Так говорит одна из умерших каму, когда он встречается ее на своей дороге к духу *Јаңыс-Сом'у*.

Душа младенца, который умирает в период своего питания грудью матери, считается безгрешной. После смерти ребенка, мать выдаивает молоко из своих груди и брызжет (*чачын јат*) вверх к *Аңәм-Јајучы*. Этим актом выражается покорность матери по отношению к *Аңәм-Јајучы*, по воле которой умерло ее дитя.

Јәл-салкын.

В загробной жизни грешные люди (*кыјалду кижі*), по мировоззрению телеутов, вечно мучаются.

<i>Чын кыјалду кјндјдј көрзөң,</i>	Посмотри ты на человека грешного,
<i>Чакта-ба чакка,</i>	Из века в век,
<i>Јылдаң-ба јылға</i>	Из года в год
<i>Кыјналып турғаньң.</i>	Мучается.

Добродетельные люди (*а́к сабышту кижі*) обращаются в существа — как воздух *јәл-салкын* (букв. легкий ветерок) и живут в другом мире (*ол јәр*), во владении царя *Кјндјс'а*. Жизнь добродетельных людей в другом мире (*ол јәр*) во всем похожа на жизнь людей, живущих на земле. Это их рай.

Там муж и жена снова сходятся друг с другом и ведут обычное хозяйство, какое вели на земле: *улу ашту, малду болуп* — бывают богаты скотом и хлебом. Но в том мире сходятся между собою те супруги, которые женились первым браком. Женившийся первым браком на вдове на том свете остается без жены, потому что жена его принадлежит первому мужу.

Религиозное сознание телеута-шаманиста крепко связано с именами своих умерших кровных родственников — камов, камок, а также *а́мәйәндәр'ов* и *а́нәкәләр'ов* — лиц не камского происхождения. Телеут еще живет родовой системой. Эту систему он не изменил и по отношению к своим предкам; поэтому каждый род чтит только своих кровных предков.

Внешним выражением почитания предков является жертва кровная и бескровная. Принося жертву обычно при заболеваниях, телеут умиляет предка за гнев, который он проявил к нему в виде той или другой болезни. Свое освобождение от болезни телеут истолковывает как милость предка. Тяжелая интимная зависимость, основанная на праве одного и бес-

правии другого, дает однако возможность телеуту считать предка кама покровителем своего дома (*аланчыбынын сакчызы*) и хозяйства, главным образом скота.

В зависимость от умерших предков, кама или камки, телеут ставит еще молодых начинающих камов. Эти священные лица шаманского культа получают свою предрасположенность к камскому служению только от предков, чрез нервную «падучую» болезнь — эпилепсию. Против этой изнурительной болезни, часто кончающейся смертным исходом, у туземцев нет средств, кроме камлания. Камлание дает возможность эпилептику как бы разрядиться от своей болезни. И камлающий, как показывают наблюдения, действительно не болеет. В этом заключается главная причина, причина чисто физиологического характера, почему камы или камки, вопреки своему желанию, принимают на себя тяжелую роль служителя шаманского культа. Они бесспорно — больные люди. Оставляя свое камское служение, многие камы боятся одного — повторения падучей болезни; с самым культом они легко могут порвать всякую связь.

Ämäländär и *änäkälär* — это души женских особ — старец и их матерей, служащие у телеута в качестве домашних пенатов. Они являются отдаленными, давно умершими, но кровными родственницами телеута-шаманиста.

A. ANOCHIN.

Die Vorstellungen von der Seele bei den teleutischen Schamanisten in Altai.

Résumé.

Nach den Vorstellungen der altaischen Schamanisten aus dem Volkstamme der Teleuten hat die Seele des Menschen sieben Eigenschaften: *kut*, *jula*, *tyn*, *üzüt*, *sünä*, *sür*, und *jäl-salkyn*. Die *kut* wird zweifach aufgefasst — als Embryo, mit dem das Dasein des Menschen beginnt, und als die Kraft, die sein Leben erhält. Die *kut* wird von der Göttin Anä-Jajutschy der Schöpferin-Mutter erschaffen, die in der vierten Himmelsphäre wohnt. Bei plötzlichem Erschrecken und während einer Ohnmacht verlässt die *kut* den Menschen und trägt dann die besondere Bezeichnung *jula*. Wenn während dieser Zeit ein böser Geist die *jula* fängt, kann er sie fressen, worauf der Mensch schwer erkrankt und stirbt. Allerdings kann der böse Geist gegen ein Lösegeld in Form eines Opfers dem Menschen die geraubte *jula* zurückgeben. Während des Schamanenritus verlässt die *jula* den Schamanen und unternimmt Wanderungen in verschiedene Gegenden.

Tyn ist die Atemfähigkeit, das Leben des Menschen, das ihn in Augenblicke des Todes verlässt. Beim Schamanenritus versetzt sich *tyn-bura* in den Schamanen und verlässt ihn nach Beendigung des Ritus. Die *tyn* der Pflanzen ist ihre Fähigkeit zu wachsen.

Die *sür* kehrt, nachdem sie den Menschen verlassen hat, nicht mehr in ihn zurück. Der seiner *sür* verlustig gegangene Mensch kann noch 7 oder 10 Jahre leben, aber er wird die ganze Zeit krank sein. Bis zum Tode des Menschen kann man die *sür*, die ihn verlassen hat, im Hause, auf dem Felde und im Walde sehen, aber nach dem Tode geht sie in die Geisterwelt ein. Damit die *sür* nicht aus dem Opfertiere herausgehe, wird das letztere nicht geschlachtet, sondern erdrosselt. Ein Opfer, in dem die *sür* nicht erhalten geblieben ist, bildet eine Beleidigung für die Geister.

Üzüt ist die Seele des verstorbenen Menschen. Sie manifestiert sich als Wind oder als Abbild des Menschen. Sie lebt auf dem Friedhofe, kann aber in das Haus zurückkehren und hier durch den Mund in den Leib des Menschen eintreten, woher die Magenschmerzen entstehen. Die *uzüt* wird als gieriges, gefräßiges Wesen aufgefasst, das dem Trunke sehr ergeben ist.

Die *sünä* verlässt den Menschen im Augenblick des Todes. Einige Zeit nachher lebt sie noch im Hause; hierauf wandert sie 40 Jahre nach den «Gerichten» und beschaut die Orte, wo die Sünder gequält werden. Solange die *sünä* im Hause ist, ernährt man sie indem man einem Hunde Speise für sie giebt.

In der Epylepsie sehen die Teleuten eine Willensäußerung eines Ahnen, der Schamane war, infolge deren der Kranke selbst Schamane werden muss. Die Epylepsie findet so zu sagen eine Entladung im Schamanenritus und der Schamane leidet nicht an Anfällen dieser Krankheit.
